

В. И. Сподина

Понятие «время» и особенности его восприятия обскими уграми и самодийцами

Аннотация. В традиционной культуре коренных малочисленных народов Севера темпоральные воззрения определяют мировоззренческие координаты социума. С одной стороны, время – это своего рода абсолютная сущность, а с другой – оно воспринимается в зависимости от социокультурного контекста, исторического периода, возраста и др., что составляет его этническое своеобразие. Цель статьи – обозначить возможные направления исследования схожести и различий времявосприятия обско-угорскими и самодийскими народами. Поставлена задача определения причин отсутствия потребности в хронологическом счислении времени, ориентации основной временной перспективы на прошлое. В качестве этнически маркированной особенности восприятия времени отмечаются его чувственное восприятие, наличие антропоморфного образа времени и др. Впервые в отечественной этнологии поставлен вопрос о гендерных и возрастных различиях в восприятии времени обскими уграми и самодийцами. В научный оборот вводятся полевые материалы автора, что расширяет источниковую базу представленного направления исследований.

Материалы и выводы могут быть использованы в научных исследованиях, затрагивающих проблемы изучения народной культуры и традиционных народных знаний, научных исследованиях по темпоральным воззрениям отдельных северных этносов.

Ключевые слова: традиционная культура, обские угры и самодийцы, ханты, манси, ненцы, время, антропоморфизация времени, темпоральные воззрения.

V. I. Spodina

The concept "time" and the peculiarities of its perception by the Ob Ugrians and Samoyeds

Abstract. In the traditional culture of indigenous people of the North the temporal views determine the ideological coordinates of the society. With one hand time is a kind of absolute essence, and on the other hand the sociocultural context, historical period, age, etc., that is its ethnic identity.

The purpose of the article is to identify the research directions of the similarity and differences of time-perception by the Ob-Ugric and Samoyed peoples. The task is to determine the reasons of the absence of necessity in the chronological calculation of time, the orientation of basic temporal prospect to the past. As the ethnically marked feature of the time its sense perception, the presence of an anthropomorphic image of time are marked and etc. First in native ethnology the question about gender and age differences in the perception of time of the Ob Ugrians and Samoyeds is put. Field materials of the author are implementing into the scientific turn that expands the source base of the presented research direction.

The materials and conclusions can be used in the scientific research concerning the problems of study of folk culture and traditional knowledge of the people, and also in the scientific research about temporal views of individual Northern ethnic groups.

Key words: traditional culture, the Ob Ugrians and Samoyeds, Khanty, Mansi, Nenets, time, anthropomorphize time, temporal views.

Классическая научная парадигма трактует время как одну из основополагающих характеристик реального мира, которая включает в себя всё богатство категориального аппарата. Собственно, категории времени в определении современной филосо-

фии следующие: 1) время – атрибут, всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире; 2) время объективно и независимо от человеческого сознания;

3) как форма бытия материи время складывается из множества последовательностей и длительностей существования конкретных объектов, каждый из которых имеет своё начало и конец. В силу этого Времени присуща определённая прерывность, выражающая периоды существования конкретных качественных состояний. Однако эта прерывность всегда относительна, поскольку при смене качественных состояний составляющая тело материя не уничтожается, а лишь переходит в другие формы, продолжая непрерывно существовать; 4) время одномерно, ассиметрично и необратимо, все изменения в мире происходят от прошлого к будущему [1, 101]. В. А. Тишков обратил внимание на то, что феномен времени имеет фундаментально концептуальный характер: «...мы отличаем культурное время (*tempus*), которое субъективно и персонально-социально, а также может иметь политический смысл, от своего рода абстрактного (или природно-космического) времени (*chronos*) [2, 267]. В данной статье особенности восприятия времени нами будут рассмотрены в контексте культурологического осмысления категории времени.

В представлении обских угров и самодийцев понятие «время» соотносится с их общей мировоззренческой установкой. «Это не столько то, что идёт, сколько то, что происходит» [3, 61]. В хантыйском языке основным мерилем продолжительности того, что происходит, являются такие понятия как «день» (*хӓтӓл*), «век», «древний, старинный» (*йис*), «время, период» (*йит*), в мансийском – «время», «пора, срок» (*пора* или *лӓвим пора*), «промежуток» (*хал*), «период» (*пора хал, нак*), *ӓтӓ-хӓталӓ* ‘сутки’ (букв.: ночи-дни) [4, 90; 5, 37, 42, 196, 220, 248, 307]. Лесные ненцы вмещали в абстрактное понятие «время» (*тӓдзи*) не только «возраст», «эпоху», «период», но и меру объёма, протяжённости предметов: 1. Мера времени: «Белого шва достигь возраста» (*Хай-тулдомаң тӓдзиат тавтян*). 2. Мера объёма: «Чаю до края налей» (*Шайтай ва’кта тӓдзиат камта*). 3. Мера длины: «До того сучка (на бревне) обрежь (ветку)» (*Та’ки моң тӓджимана матат*) [6, 81]. Данное

обстоятельство свидетельствует о широком диапазоне его применения в самодийской культуре.

В восприятии времени обско-угорскими и самодийскими народами проявляется ряд особенностей, связанных с ритмом жизни, принятом в той или иной культуре. Прежде всего, это отсутствие потребности в хронологическом счислении как больших, так и малых отрезков времени, так называемая «нарочитая отстранённость от реального времени» [7, 298]. Ф. Белявский относительно берёзовских остяков заметил: «...исчисление времени более, как до десяти лет, не знают и знать сие считают за излишнее, бесполезное и даже вредное для спокойствия...» [8, 69]. Отсутствие необходимости в счислении времени проявляется в праздновании дня рождения. Аганские ханты, как правило, эту дату исчисляли детям до 3–4 лет. Потом про неё забывали. Для определения возраста считали сколько лет прошло с того или иного события. «Много таких событий происходило, – пишет Е. Д. Айпин, – которые вся Река помнит. Скажем, Год Большой воды, Год Появления Красных, Год Лесных Пожаров и так далее. Выясняли, в какой Год человек родился. Другой способ – это сравнение. На сколько лет один моложе или старше другого» [9, 139]. Ненцам же отмечать дни рождения вообще не свойственно. В языке данная особенность отразилась в использовании неопределённо-количественной формы числительных (столько-то, сколько-то, много) для исчисления временного промежутка: *Матахкем тӓл тавен та ёмтыс* ‘Сколько-то лет ему стало’ [Устное сообщение Л. Н. Панченко]; *Моса арат кем тӓл ци пора эвалт мӓнӓс, хунты мӓң қадаңна йӓнхсув* ‘Сколько-то лет с тех пор прошло, когда мы на оленях ездили’ [Устное сообщение А. А. Шияновой]; «Пять Яптик сколько-то спят», «Сколько-то позвякивала нарта Младшего Яптика» («Сколько-то ехал Младший Яптик»), «Мать меня, сколько глаза помнят, вырастила», «Начали кочевать. Сколько-то кочуем, на полозьях нарт снег растаял» [10, 133, 136, 198, 215]. С. А. Попова, рассматривая половозрастную градацию у манси, отмечает, что «каждая возрастная группа получает свое название, соответствующее не возрасту по годам (у манси не принято вести

счет возрасту и количеству всего живого), а биологическому возрасту и физическому состоянию индивида» [11, 180]. Например, в мансийских сказках возраст с самого рождения определяется описательно: «ребенок еще маленький – только что на глаза попавший [увиденный глазами] ребенок или в колыбели спящий [находящийся] ребенок» [12, 322].

Отсутствие потребности в хронологической фиксации событий, отсчёте лет представляется возможным объяснить с позиций теории «культурной грамматики» американского антрополога Э. Холла. По способу распределения времени он разделил культуры на два противоположных вида: *монокронные* (в один и тот же отрезок времени возможен только один вид деятельности, поэтому одно идет за другим, как звенья одной цепи); *полихронные* (в один и тот же отрезок времени возможен не один, а сразу несколько видов деятельности). В монокронных культурах, по мнению Э. Холла, время понимается как линейная система, наподобие длинной прямой улицы, по которой люди движутся вперед или остаются в прошлом. В них время можно экономить, терять, наверстывать, ускорять. Одним словом, его можно охватить. Оно является системой, с помощью которой поддерживается порядок в организации человеческой жизни. Такая система играет решающую роль во многих индустриально развитых странах. Полихронное время отличает большая роль в нём межличностных, человеческих отношений. Общение с человеком важнее, чем намеченный план действий [13, 20]. Традиционную культуру обских угров и самодийцев не представляется возможным отнести в чистом виде ни к одной из указанных моделей. Для них характерно монокромное распределение времени: есть время для приготовления пищи, занятий промыслами и рукоделием, время для поездок, время праздника. Ритмизированное таким образом время похоже на «капсулу» (как у индейцев племени Навахо по исследованиям антрополога Пола Боннана). Если же человек оказался в одной из таких временных капсул, то он не может переместиться в другую. Из характеристик полихронного времени для коренных народов Севера важен фактор человеческого общения, когда считалось за

оскорбление проехать мимо жилища и не остановиться попить чай («верхом крыши проехал»). В условиях ритмичности жизненных процессов и установления их временных границ («капсула») хронометрия времени не является актуальной.

Другой особенностью взаимоотношений хантов, манси, ненцев со временем является его чувственное восприятие, выраженное в антропоморфизации. Перенос облика и свойств человека на понятие «время» – типичный приём архаического мышления, что выражается в предикативных метафорах, составляющих разряд «время – движущаяся сущность». Её отголосок прослеживается в обско-угорской традиции: «время уходит» (*пора хайцал*, букв.: время остаётся), «время (его) пришло» (*йитал йухтас*) [14, 103; 15, 81], *пора минас* ‘время ушло’, *пора ёхтыс* ‘время пришло’, *тав нотэ минас* ‘его время (букв.: отведённый для жизни промежутки) ушло’, *хоталт минасыт* ‘дни ушли’ [Устное сообщение С. С. Динисламовой. Ханты-Мансийск. 2016]. Ненецкий фольклор даёт следующие примеры формульных выражений: *Вада сюдбабу пумнанда мица* (Словопесня за ним летит [идёт – Е. П.]). Для сравнения отметим ненецкое слово *минзэ* со значением «идти», «двигаться», «передвигаться», «протекать» (о времени) [4, 96]. Из приведённых выше метафор складывается образ времени как антропоморфного существа, обладающего огромной властью над людьми.

Воплощением этих представлений о времени, свойственных мифологическому сознанию, становится божество. В традиционной культуре ненцев одним из персонажей божественного пантеона является один из сыновей верховного божества *Нум’а* – *Нумгымбой* ‘Звёздный’ (*Нумгы пой* ‘Звёздная ниша’), которого А. В. Головнёв отождествляет с духом времени, обитающем «более на Земле, чем в Небе». «Его можно представить совершающим звёздный путь по небу, идущим от края до края земли и даже заходящим за эти края, в Нижний мир» [7, 431]. Косвенным подтверждением антропоморфного облика *Нумгымбой* является его атрибут (по материалам хантов) – кнут, которым он рассекает дьявола [16, 66], а также расположение его в окружении божеств Верхнего мира

в исследовании Л. А. Лара [3, 68]. На основании вышеизложенного возможно предположить, что в образе *Нумгымбой* создаётся образ времени, поддающийся визуализации. Повелевать временем мог и верховный бог *Нум*. А. В. Головнёв отмечает, что лексема *Нум* «образует обширный круг значений в смысловом поле «верх-небо-погода-время-бог» [10, 311]. Согласно материалам, собранным Т. Лехтисало среди разных групп ненцев, «*Нум* изменяет облик луны, чтобы люди разбирались в месяцах» [17, 14].

Отличительной особенностью традиционных культур обских угров и самодийцев является их основная временная перспектива, выраженная в ориентации на прошлое. Это обстоятельство проявляется в грамматической категории времени в языках народов мира: наряду с языками, различающимися прошедшее, настоящее и будущее время, есть языки только с прошедшей и непрошедшей категориями времени (без грамматического выражения будущего времени). К таковым относятся, например, обско-угорские языки. Филологи отмечают, что состав грамматических времён в хантыйском языке даёт примеры только прошедшего и непрошедшего (настояще-будущего) времени [14, 173]. Будущее время определяется из контекста сказанного с добавлением к глаголу наречия «завтра» (*халэвэ́т*, шур. хант.) и суффиксов времени: – *с* (прошедшее время), – *д* (настоящее и настоящее-будущее). Например, «я ушёл» (*ма мǎ́нтсэм*), «я иду» (*ма мǎ́ндэм*, шур. хант.), «я завтра пойду» (*ма халэвэ́т мǎ́ндэм*, шур. хант.). В мансийском языке будущее время образуется двумя формами: 1) «посредством сочетания личной формы глагола в настоящем времени с частицей *тах*, восходящей к наречному слову *таях* с временным значением «в будущем», «не теперь»; 2) «образуется путём сочетания личной формы вспомогательного глагола *патуңкве* (в настоящем времени) со значением ‘упасть’ инфинитивной формы смыслового глагола» [18, 169–170].

На уровне бытовой лексики такое неконкретное отношение к будущему проявляется, к примеру, в понятии «завтра»: шур.

хант. *Халэвэ́т йаңдэ́в* ‘В ближайшем времени съездим’ (букв.: завтра съездим), что на практике означает «когда-нибудь», «в будущем»; *халэвэ́т ны́да* (букв.: завтра видно будет) в значении «поживём, увидим», манс. *хуньтта́х* ‘когда-нибудь’ [Устное сообщение А. А. Шияновой. Ханты-Мансийск. 2015; С. С. Динисламовой. Ханты-Мансийск. 2016], то есть не воспринимается буквально.

Полевые материалы автора позволяют предположить ещё один аспект во «взаимоотношениях человека со временем» – этнические особенности его восприятия. Наиболее темпорально насыщенным является временной период равный неделе: шур. хант. *томаттасэ́к* ‘несколько дней назад’, *томатта́* ‘вчера’. Год уже представлялся довольно длительным периодом. По выражению Дж. Фрезера для человека прошлых времён «год мог казаться столь длинным, что он и вовсе не осознавал его цикл» [19, 304]. Период от года до пяти лет обскими уграми уже воспринимается как большой, но относительно исчисляемый, умопостижимый. Десятилетний период является рубежным, воспринимаемым как пограничный к очень большому промежутку времени. В диалектологическом словаре хантыйского языка, в словарной статье *сыс* ‘период, время’, находим следующий пример: «десятилетний период – это долгое время» (*йаң тǎ́д сыс щит хў́в сыс*) [14, 120]. Интересно отметить одно замечание нашего информанта, по восприятию которого «десять лет назад меньше, чем десять лет в будущем» (*йуң тǎ́д манаммǎ́д ‘десять лет пролетело’, йуң тǎ́д дайэ́лты мосэ́д ‘десять лет нужно (ещё) ждать’* [Устное сообщение А. А. Шияновой. Ханты-Мансийск. 2016]. Если для периода до десяти лет приближённое время выражается с помощью суффикса –*кем*: «около пяти лет» (*атахке́м*, манс.), «около десяти лет» (*йуңке́м*, шур. хант.; *лов тǎ́лке́м*, манс.), то после десятилетнего рубежа наступает более длительное время, выражаемое с помощью наречия *свыше* (*арыг*) – *хус тǎ́л арыг* ‘свыше двадцати лет’, *налыман тǎ́л арыг* ‘свыше сорока лет’ (манс.). Тем самым подчёркивается восприятие данных промежутков вре-

мени как больших. Сто лет и более является чертой, за которой наступает далёкое будущее (*хунсы йисна* ‘когда-нибудь’, в будущем) либо давнее прошлое (*йис пора* ‘давние времена’). Множественное число мансийского определения временного промежутка, равного столетию (*йис* ‘век’), иначе как с прилагательным «долгий» не употребляется: *йисыт миннэныл сыс* ‘в течение долгих веков’.

Для тундровых ненцев небольшим промежутком времени является пол-столетия: «Ему в с е г о 50 лет, а выглядит глубоким стариком» (*Пыда валакада самбляңг ю” пода, нули” вэсакораха*) [20, 19], а сто лет (как и для обских угров) – *юр’ по* – «некая круглая дата, начальный рубеж которой уже теряется в памяти (возможно, этим объясняется близость числительного *юр’* – ‘сто’ и глагола *юра* – ‘забыть’» [7, 298]. Вместе с тем для лесного ненца век – это как «вчера было» [ПМА, стойбище Лисий бор. 1993], т. е. небольшой промежуток времени. Приведённые примеры позволяют предположить, что промежуток времени, равный около десяти лет, воспринимается обскими уграми как небольшой, а «долгое время» начинается после десятилетнего периода. Ненцы оперируют более длительными временными периодами. Рубежом, за которым теряется понятие времени, для обских угров и самодийцев является сто лет и более.

В исследовании темпоральных воззрений обских угров и самодийцев следует также учитывать гендерные и возрастные различия в восприятии времени. С. А. Попова обратила внимание на то, что включение ребёнка в мужскую или женскую «автономную линию», не могло не отразиться на различиях в ощущении времени. С момента инициации ребёнка происходит его социализация в мужской или женский миры, которые им предназначены с рождения: «Если девочка, то век женщины пусть проживёт. Если мальчик, то век мужчины пусть проживёт» [21, 6, 22]. Взаимоотношения женщины со временем отличается экспрессивностью, что обостряет её чувство времени. Суточный ритм женщины насыщен конкретными домашними делами, которые нужно успеть сде-

лать за день. Часто мать подгоняет дочь словами: *и сора веры, илайи йувмад* ‘быстрее делай, вечереет’, *илайи йувмад* ‘(уже) вечер настал’, *патлаты питэс* ‘темнеть начало’. На помощь даже призывается бог (*Торум мыг!* ‘Бог, помоги!’, манс.). Именно женщина ощущает нехватку времени: *кум айт шитдэм* ‘времени нет’ (шур. хант.), *унтнэ хал атим* ‘для сиденья промежутка нет’ (манс.). Ненцы называют женщину «самым ходячим человеком в чуме» [ПМА, стойбище на р. Тюй-тяха. 1995].

Нашими информантами замечена бóльшая частотность употребления наречий времени со значением «быстро» (*сора*, хант.), «быстро, быстрее» (*молях*, *моляхнув*, манс.), «сейчас» (*итта*, хант.; *ань*, манс.) женщинами, нежели мужчинами, отношение со временем которых отличает медлительность (*Турэм урэңна ул*, букв.: для бога живёт, хант., в значении «ничего не делает»), возможность откладывания дел (*щаха* ‘потом’, *халэвэт* ‘завтра’, хант.; *ётыл*, *ётылнув* ‘позже, попозже’; *хõлыт*, *хõлытан* ‘завтра, на завтра’, манс.), обращение к прошедшим событиям большой протяжённости (*молты* ‘в прошлом году’, манс.). Они планируют время длительными периодами: *кадаңэт йаха, пора манэл акэтты мосэл* ‘олений нужно собирать, время идёт’ (северные ханты олений собирают с пастбищ два раза в году – в сентябре и в марте). Такие периоды не терпят суеты [Устное сообщение С. С. Динисламовой, А. А. Шияновой. Ханты-Мансийск, 2016]. Е. Т. Пушкарёвой подмечена такая черта ненецкого мужского времяпровождения как *хасавадэ(сь)* ‘сидеть на нартах и разговаривать’. Фольклорные тексты дают тому многочисленные примеры: «*Нядако’ нюдя ню ханда ниня хасавадэвы, инянда ма...*» («Младший сын Нядако сидел на нарте и думал...»), «*Харюци нинекав сидя хасава хэвхана хасавадэвы*» («Харюци сидел около двух мужчин»), «*Падроко Ламдо’ ню ханда ниня хасавады*» («Сын Ламдо Падроко сидит на нарте»), «*Тикэвана Селире’ Харюци, Харюци тэта апой хан’ ниня хасавадэвэ. Амгэ’мана тикэ’мана лаханорчаха’*» («Тут

[как-то] Силеро Харюци и оленевод Харюци сидели на одной нарте. Они говорят о том о сём»), «*Сиднтет хасава мяд' сига хасавады*» («Восемь мужчин сидят около передней стороны чума») и т. д. [9, 21–32]. Это сидение – разговор – размышление Е. Т. Пушкарёва характеризует как феномен мужского «клуба», где, по выражению А. В. Головнёва, «перекрещиваются состояния покоя, размышления о прошлом и будущем, созерцания красоты мира, настроя на роковое сражение или ответственное решение» [10, 206].

Необходимо отметить, что с возрастом у человека может меняться ощущение длительности временных интервалов, их плотность («чувство времени»). «Установлено, – указывает И. Прусс, – что с 7 до 19 лет переоценка временных интервалов может достигать до 175 %. Но обычно способность точно оценивать время формируется к 15–16 годам и слабеет лишь к глубокой старости» [22, 51]. Астроном Н. А. Козырев для обозначения активного свойства времени ввёл определение «плотность переживания». Согласно его теории, «у времени, кроме направленности хода, есть ещё одно физическое свойство – его плотность», ... «ощущение пустого или содержательного времени» [23, 357, 368]. Т. Н. Березина, К. А. Абульханова расширили мысль учёного, сформулировав понятие «плотности временного переживания». Темпоральное переживание с малой плотностью характеризуется субъективным ощущением ускорения или замедления времени; со средней плотностью – субъективным ощущением ускорения или замедления времени и ускорением мышления; темпоральное переживание с высокой плотностью – предыдущие две характеристики и ускорение активности внешнего плана [24, 218]. Т. Н. Березиной эмпирически установлено, что в юности у человека имеется темпоральное переживание малой плотности с ощущением ускорения времени. В пожилом возрасте – ощущения времени замедляются, но плотность увеличивается. По нашим полевым материалам, а также проведённым опросам, время для старого человека тянется мучительно долго: «*Эт-хотал тай татэм хосаг ёмтыс*» ‘Ночь-день (сутки) до того длинными стали’; «*татем марсюм, амким ат ваглум хоталь тотуңкв*» ‘так скучно, не знаю куда

себя деть’ [Устное сообщение С. С. Динисламовой. Ханты-Мансийск. 2016]. Как видим, изменения характеристик пространственно-временного континуума в ментальном пространстве являются неоднородными у различных возрастных групп.

Подводя итоги этнического восприятия времени необходимо отметить следующее:

1. Для обско-угорских и самодийских народов время определяется последовательностью событий и природных явлений. Практика измерения времени отрезками (срок, промежуток) показала наличие локальных особенностей. Абстрактное понятие «время» хантами и манси определяется как «пора, срок», «период» (*пора* или *лāвим пора, хал, нак*). В понимании лесных ненцев «время» (*тёлш*) – это ещё и возраст, мера объёма, протяжённость предметов, что свидетельствует о широком диапазоне его применения в самодийской культуре.

2. Восприятие времени в культуре обских угров и самодийцев имеет ряд особенностей, а именно: отсутствие потребности в его счислении, что проявляется, например, в использовании неопределённо-количественной формы числительных; антропоморфизация понятия «время» (время «уходит», «приходит», оно имеет собственный очеловеченный образ – божество времени); состав грамматических времён в хантыйском языке имеет только прошедшее и непрошедшее (настоящее-будущее) время.

3. Этнические особенности восприятия времени проявляются в различиях ощущения его протяжённости хантами, манси и ненцами. Для обских угров большой промежуток времени начинается с года и до нескольких десятилетий, для тундровых ненцев 50 лет не является большим временным промежутком, лесным ненцам сто лет представляется коротким временем («как вчера было»). Мы склонны предположить, что счисление времени длинными промежутками, равными столетиям и даже тысячелетиям, больше характерно для самодийцев, чем для угров.

4. Гендерные особенности восприятия времени обусловлены различиями в социальных ролях мужчины и женщины. Время женщины характеризует большая его расчленённость на малые интервалы, что создаёт мак-

симальную заполненность временного (субъективного) отрезка делами не однообразными по содержанию и, как следствие – ощущение быстроты протекания времени. Для мужчин время представляется «тягучим», поскольку их занятия более однообразны и длительны.

5. Возрастные ощущения времени также имеют свои особенности, которые можно

отнести к общечеловеческим. В детском возрасте время заполнено событиями положительно эмоционально окрашенными, что сокращает ощущение его длительности (время протекает быстро с небольшой плотностью), с возрастом восприятие времени замедляется, но возрастает его плотность.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
2. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии [Текст] / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2003. – 544 с.
3. Лар, Л. А. Шаманы и боги [Текст] / Л. А. Лар. – Тюмень : ИПОС СО РАН, 1998. – 126 с.
4. Пушкарёва, Е. Т. Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ [Текст] / Е. Т. Пушкарёва. – Екатеринбург : Баско, 2007. – 248 с.
5. Мифологическое время: альбом-каталог [Текст]. – М. : Эпифания, 2003. – 215 с.
6. Сподина, В. И. Номенклатура родства как универсальный социокультурный феномен обских угров и самодийцев (по материалам традиционной культуры и языка) [Текст] / В. И. Сподина. – Ханты-Мансийск : ООО «Печатное дело», 2010. – 114 с.
7. Головнёв, А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров [Текст] / А. В. Головнёв. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 1995. – 606 с.
8. Белявский, Ф. Поездка к Ледовитому морю [Текст] / Ф. Белявский. – Тюмень : Мандр и К', 2004. – 296 с.
9. Айпин, Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари: Роман [Текст] / Е. Д. Айпин. – М. : Мол. гвардия, 1990. – 334 [2] с.
10. Головнёв, А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор [Текст] / А. В. Головнёв. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 344 с.
11. Попова, С. А. Половозрастная терминология в представлениях и фольклоре северных манси [Текст] / С. А. Попова // Сибирский сборник – 2, к юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – С. 179–190.
12. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) [Текст]. – Новосибирск : Наука, 2005. – 475 с.
13. Hall, E. T. The hidden dimensions of time and space in today's world // Cross-cultural perspectives in nonverbal communication. Toronto, 1988. P. 145–152.
14. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) [Текст] / Авт.-сост. С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарёва, С. В. Онина, А. А. Шиянова (шурышкарский и приуральский диалекты). – Екатеринбург : Изд-во Баско, 2011. – 208 с.
15. Соловар, В. Н. Хантыйско-русский словарь [Текст] / В. Н. Соловар. – СПб. : Миралл, 2006. – 336 с.
16. Материалы по фольклору хантов [Текст]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. – 216 с.
17. Лехтисало, Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) [Текст] / Т. Лехтисало. – Томск : Изд-во Томского университета, 1998. – 135 с.
18. Ромбандеева, Е. И. Современный мансийский язык: лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование : учебник для высшей школы [Текст] / Е. И. Ромбандеева. – Ханты-Мансийск : УИП ЮГУ, 2013. – 352 с.
19. Фрезер, Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии [Текст] / Дж. Фрезер. – М. : Изд-во политической литературы, 1986. – 704 с.
20. Диалектологический словарь ненецкого языка [Текст] / Авт.-сост. С. И. Буркова [и др.]; под ред. Н. Б. Кошкарёвой. – Екатеринбург : Изд-во Баско, 2010. – 352 с.
21. Попова, С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси [Текст] / С. А. Попова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 180 с.
22. Прусс, И. Сверим наши часы [Текст] / И. Прусс // Что нового в науке и технике. – 2006. – № 3 (38). Март. – С. 46–56.
23. Козырев, Н. А. Избранные труды [Текст] / Н. А. Козырев. – Л. : Ленинградский ун-т, 1991. – 448 с.
24. Абульханова, К. А. Время личности и время жизни [Текст] / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб. : Алетейя, 2001. – 304 с.

References

1. *Filosofskij jenciklopedicheski slovar'* [Encyclopedic dictionary of philosophy]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1989. 815 p.
2. Tishkov V. A. *Rekviem po jetnosu: Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii* [Requiem for ethnos: Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 544 p.
3. Lar L. A. *Shamany i bogi* [Shamans and gods]. Tyumen: IPOS SO RAN Publ., 1998. 126 p.
4. Pushkaryova E. T. *Kartina mira v fol'klore nencev: sistemno-fenomenologicheskij analiz* [Picture of the world in the folklore of the Nenets: systemic-phenomenological analysis]. Ekaterinburg: Basko Publ., 2007. 248 p.
5. *Mifologicheskoe vremja: al'bom-katalog* [Mythological time: the album-catalogue]. Moscow: Jepifanija Publ., 2003. 215 p.
6. Spodina V. I. *Nomenklatura rodstva kak universal'nyj sociokul'turnyj fenomen obskih ugrov i samodijcev (po materialam tradicionnoj kul'tury i jazyka)* [The nomenclature of kinship as a universal socio-cultural phenomenon of the Ob Ugrians and Samoyeds (on materials of traditional culture and language)]. Khanty-Mansiysk: OOO «Pechatnoe delo» Publ., 2010. 114 p.
7. Golovnyov A. V. *Govorjashhie kul'tury. Tradicii samodijcev i ugrov* [Talking cultures. The traditions of the Samoyed and Ugric peoples]. Ekaterinburg: Ural'skij rabochij Publ., 1995. 606 p.
8. Belyavskiy F. *Poezdka k Ledovitomu morju* [A trip to the Arctic sea]. Tyumen: Mandr i K' Publ., 2004. 296 p.
9. Aypin Ye. D. *Hanty, ili Zvezda Utrennej Zari: Roman* [Khanty, or the Star of the Dawn: a novel]. Moscow: Mol. Gvardija Publ., 1990. 334[2] p.
10. Golovnyov A. V. *Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor* [Nomads of tundra: the Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004. 344 p.
11. Popova S. A. *Polovozrastnaja terminologija v predstavlenijah i fol'klore severnyh mansi* [Age and sex terminology in the representations and folklore of the Northern Mansi]. *Sibirskij sbornik – 2, k jubileju Evgenii Alekseevny Alekseenko* [Siberian collection – 2, to the anniversary of Yevgeniya Alekseyevna Alekseyenko], 2010, pp. 179-190.
12. *Mify, skazki, predanija mansi (vogulov)* [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 475 p.
13. Hall E. T. The hidden dimensions of time and space in today's world. Cross-cultural perspectives in nonverbal communication, 1988, pp. 145-152.
14. *Dialektologicheskij slovar' hantyjskogo jazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Priuralsk and Shuryshkar dialects)]. Ekaterinburg: Izd-vo Basko Publ., 2011. 208 p.
15. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar'* [Khanty-Russian dictionary]. Saint-Petersburg: Mirall Publ., 2006. 336 p.
16. *Materialy po fol'kloru hantov* [Materials on folklore of the Khanty]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1978. 216 p.
17. Lekhtisalo T. *Mifologija jurako-samoedov (nencev)* [Mythology of the Yurako-Samoyed (Nenets)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta Publ., 1998. 135 p.
18. Rombandeeva E. I. *Sovremennyj mansijskij jazyk: leksika, fonetika, grafika, orfografija, morfologija, slovoobrazovanie: uchebnik dlja vysshej shkoly* [Modern Mansi language: vocabulary, phonetics, graphics, orthography, morphology, word-formation: a textbook for high schools]. Khanty-Mansiysk: UIP JuGU Publ., 2013. 352 p.
19. Frazer J. G. *Zolotaja vetv': Issledovanija magii i religii* [Golden Bough: A Study of Magic and Religion]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1986. 704 p.
20. *Dialektologicheskij slovar' neneckogo jazyka* [Dialectological dictionary of the Nenets language]. Ekaterinburg: Izd-vo Basko Publ., 2010. 352 p.
21. Popova S. A. *Obrjady perehoda v tradicionnoj kul'ture mansi* [Ceremonies of transformation in the traditional culture of the Mansi]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2003. 180 p.
22. Pruss I. *Sverim nashi chasy* [Let's synchronize our watches]. *Chto novogo v nauke i tehnike* [What's new in science and technology], 2006, no. 3 (38), pp. 46-56.
23. Kozyrev N. A. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Leningrad: Leningradskij un-t Publ., 1991. 448 p.
24. Abulkhanova K. A., Berezina T. N. *Vremja lichnosti i vremja zhizni* [Time of personality and life-time]. Saint-Petersburg: Aletejja Publ., 2001. 304 p.